

Первое время учитель садился за столом напротив, а затем стал располагаться рядом. Как бы невзначай обнимал меня для большей убедительности своих объяснений. Поглаживал одобрительно по голове или клал руку на плечо. Поначалу меня это смущало, но выразить недовольство такими вольностями не решалась. Учитель все-таки, может подумать, что я о нем плохо подумала.

Постепенно я к этому привыкла, перестала обращать внимание, но прикосновение его рук становилось между тем все более смелым и частым. Скажу откровенно, они стали мне приятны, и в какие-то минуты хотелось их ощущать...

Вскоре наши отношения с учителем из официальных перешли в дружеские, а затем стали интимными, но не в полном смысле этого слова. Все происходило незаметно, развивалось как бы само собой. Если первое время мы обычно сидели за столом, то потом местом наших разговоров стал диван. Учитель действовал вкрадчиво, осторожно приучал к себе. Старался не спугнуть. Его тактика стала ясна мне много позже, а тогда я не придавала значения прикосновениям к моей руке или плечу как бы невзначай. Я не видела в этом ничего особенного, ведь для меня он был только учителем.

Однажды он положил руку мне на колено. В первый момент я хотела, смущенная, резко отодвинуться, но сочла, что с моей стороны это будет неприлично, и я этим его обижу. Учитель между тем нежно поглаживал мое колено как бы в качестве иллюстрации к лирическим стихам, отдельные строки которых запомнились навсегда.

Волошина:

В ней робость и бесстыдство жеста
Желанье скрытое стыдом
И упоение грехом...

Булгина:

Любишь ты, сама того не зная,
И любовь застенчиво таишь...

Ходасевича:

Ты стройна и красива. Ты знаешь,
Как люблю я тебя целовать,
Как люблю я, когда ты ласкаешь,
Обольщаться тобой и мечтать...

Тютчева:

Лишь. одно я живо чую-
Ты со мной и вся во мне.

Франсуа Вийона:

Где тело чтимое, как храм,
Куда приходят из далека...

Стихи дышали страстью. Он читал прекрасно, и стихи воспринимались так, как если бы исходили от него, и оказывали гипнотическое действие, но тогда я этого не осознавала. Только была смущена, а он делал вид, что не замечает моего состояния. Я же вместе с тем испытывала необыкновенное, неведомое мне доселе ощущение внутренней теплоты и

волнения. По всему телу разливалась нега. Хотелось, чтобы он продолжал держать руку на моем колене как можно дольше и пальцы нежно поглаживали его с внутренней стороны... Следующей нашей встречи, тоже, конечно, уже не в классе, я ждала с нетерпением и даже сама под каким-то благовидным предлогом напросилась на нее. Все повторилось с той лишь разницей, что на сей раз одна рука учителя уже обнимала меня, поглаживала бедро, а другая ласкала колено. Жена учителя, как обычно, отсутствовала. У нее, как всегда, оказались свои срочные дела.

Однажды, когда мы сидели вот так близко друг от друга, учитель вдруг крепко обнял меня. - Марина, ты мне очень нравишься, - шепнул в самое ухо и при этом поцеловал в мочку... - Да ты и сама знаешь, как я к тебе отношусь.

От этого прикосновения низ моего живота словно обдало жаром.

- Хочешь, доставлю тебе необыкновенное наслаждение, - продолжал между тем шептать учитель. Он, подобно Онегину, "умел казаться новым, шутя, невинность изумлять". Мысль об этом сходстве пришла мне много позже, когда все уже было позади и я перебирала в памяти происходившее, а тогда...

От неожиданного предложения я была в первый момент страшно смущена. Подобно пушкинской Татьяне "вспыхнув, задрожала... в смятенье нежного стыда". От подруг, уже искушенных, я слышала об оргазме и безопасных ласках языком, но такого оборота событий ожидала меньше всего и не знала, что ответить.

- Да ты не бойся, - продолжал напевать учитель мне на ухо, - обещаю, что не сделаю тебе больно и вообще ничего плохого. Буду просто тебя ласкать. И больше мне от тебя ничего не надо.

Столь откровенное намерение учителя повергло меня в растерянность. Я как-то даже оцепенела, хотя мне втайне и хотелось испытать то "роскошное прикосновенье", о котором была так много наслышана. Решительно отказывать ему так сразу в необычной просьбе мне было очень трудно. До сих пор я никогда ничего плохого или подозрительного с его стороны не видела и прониклась к нему доверием. Не могла отказать теперь так же, как тогда, когда он стал прикасаться ко мне руками. Однако неизведанное все же манило, и я не сказала ни да, ни нет.

- Не сомневайся. Ты, как была девушкой, так ею и останешься, но наслаждение все равно испытаешь, необыкновенное и сладостное.

Учитель привлек меня к себе и жадно прильнул к губам. Не знаю, как получилось, но поддавшись неожиданному порыву, я невольно ответила и жадно втянула в себя протянутый мне горячий язык. Это был первый в моей жизни настоящий поцелуй с мужчиной. С мальчишками из класса мы не целовались. Я, во всяком случае. Учитель то втягивал в себя мой язык, то отдавал мне свой, а руки его блуждали теперь по всему моему телу.

- Дай мне тебя всю зацеловать. Увидишь, как это приятно. От подруг, уже искушенных, я много слышала об оргазме. Правда, это слово они не употребляли, а говорили просто "кончаю". Они с таким волнением и восторгом делились впечатлениями о необыкновенных ощущениях, которые испытывают, "общаясь" с мальчиками, что мне втайне тоже хотелось испытать их.

Очень манило изведать это нечто таинственное, загадочное и постоянно представляющееся в ночных грезах. Заинтриговал меня роман Хемингуэя "По ком звонит колокол", который мне дал прочитать учитель. В нем обратила внимание на описание оргазма. Героине

казалось, что «земля качается и плывет». А вот персонаж спектакля «Трамвай желаний» утверждала, что «видит разноцветные огни».

Невольно сравнивала это с собственными «видениями» и пришла к выводу, что все очень индивидуально. Многое в этот чудесный момент, конечно, зависит от «текущих обстоятельств» и уровня твоей духовности, впечатлительности и культурного багажа.

Не могу только понять, почему такой большой знаток женской психологии, всех ее тонкостей, как Лев Толстой, опустил в своих романах этот «вопрос». Представляю, как много нового, загадочного и волнующего мог бы он поведать нам на примере своих героинь, той же Анны Карениной, женщины, безусловно, необычайно темпераментной и сексуальной.

Толстой предоставил читателям самим восполнять недосказанное собственным воображением. Тем более, что дал для этого обильную пищу: «Во сне, когда Анна не имела власти над своими мыслями, ее положение представлялось ей во всей безобразной наготе своей. Одно сновидение почти каждую ночь посещало ее. Ей снилось, что ОБА ВМЕСТЕ БЫЛИ ЕЕ МУЖЬЯ, что ОБА РАСТОЧАЛИ ЕЙ СВОИ ЛАСКИ. Алексей Александрович плакал, целуя ее руки, и говорил:

КАК ХОРОШО ТЕПЕРЬ! И Алексей Вронский был тут же, и он был ТОЖЕ ЕЕ МУЖЕМ. И она удивлялась тому, что прежде ей казалось ЭТО НЕВОЗМОЖНЫМ, ОБЪЯСНЯЛА ИМ, СМЕЯСЬ, ЧТО ЭТО ГОРАЗДО ПРОЩЕ и что оба они теперь ДОВОЛЬНЫ И СЧАСТЛИВЫ».

Толстой совершенно ясно дал понять, что Анна, обладавшая исключительной сексуальностью, втайне мечтала о том, что сегодня называется коллективным сексом. Убеждена, что если бы Толстой при всей его любвеобильности сам попробовал такой «вариант», то, несомненно, мог бы изобразить его в лучшем виде. К сожалению, времена еще были не те... Покажи он со всем блеском своего художнического таланта, да и другие русские классики - Тургенев, Гончаров, Лермонтов, своих героинь в постели с возлюбленными, их книги читали бы в захлеб и сегодня, как те бестселлеры, которыми завален книжный рынок.

Теперь же они, неостребованные, стоят на полках библиотек и не интересуют нынешнее пытлиное поколение, поглощенное сексом. Или взять ту же шолоховскую Аксинью из «Тихого Дона», из которой страсть бьет фонтаном. Вот уж у кого, наверное, были оргазмы так оргазмы, когда трахалась с Григорием Мелеховым!

Интересно, что ни одна из девочек не жаловалась, что первый раз ей было больно. Наоборот, все говорили о расставании с невинностью с нескрываемой радостью, как об освобождении от какого-то гнета, который их давно тяготил и сковывал. Может быть, кому-то из них и было все-таки больно, да иначе и быть не может, но все в один голос говорили, что запомнилось и потрясло совсем другое.

Тогда, помню, меня это несколько поразило, ведь по другим рассказам я знала, что все обстоит совсем не так и действительно сопряжено с болью, ведь рвется ткань и даже идет кровь... Да иначе и быть не может, считала я, если в тебя впервые с силой втыкают большое и твердое. Однако потом на собственном опыте поняла естественность такой реакции на происшедшее в жизни. Непрерывное последующее наслаждение затмевает напрочь мимолетную боль.

Навсегда запомнилось мне, как одна из девочек для наглядности, чтобы мы лучше представили себе первое сношение, образно сравнила разрыв у нее девственной плевы с

раскупориванием бутылки кефира. "Как мы пальцем надавливаем на алюминиевую крышку, так и он членом уперся в меня и продавил. Я и ахнуть не успела - так мне вдруг стало сладостно от горячего и глубоко вонзившегося в меня". Привожу это образное сравнение, использованное одной из наших девочек, чтобы кто-нибудь из поэтов или художников-авангардистов использовал его в своем творчестве. Действительно, настоящая творческая находка!

А сколько было разговоров об оргазме! Вспоминая эти рассказы школьных сверстниц, каждый раз посмеиваюсь про себя над их простодушной хитростью и наивным сексуальным тщеславием.

Это было что-то вроде охотничьих историй на привале у костра, где с безудержной фантазией желаемое выдается за действительное. Вот, дескать, мы какие! Или рассказов тех же рыбаков о том, как на крючок попался пудовый карась. Чтобы было понятней, что имею в виду, приведу другой пример, но уже совершенно из другой области. Свои сказки вешали на уши, но уже не в узком кругу, а сразу всему человечеству Маркс и Энгельс а вслед за ними и последователи основоположников во главе с товарищем Лениным, сказки о коммунизме, где от каждого будет по способностям и каждому по потребностям.

Гуляй_ не хочу. Интересно, в чем должна была бы состоять наша обязанность, проститутки, в этом земном Эдеме, если бы его первую стадию - развитой социализм с человеческим лицом не отменили в одночасье и не предложили всем снова дружно и весело вернуться к капитализму и рынку, где нам, как и всем предпринимателям - полная лафа.

Так и бывалые девочки в нашем классе изощрались, как только могли, интересничая своей искусственностью, которая, в общем-то, как я понимаю, была наигранной и мнимой. Делясь взахлеб "незабываемыми" впечатлениями об испытанных, якобы, ощущениях, все стремились перещегоолять друг друга.

И слова-то находили такие, чтобы откровение выглядело более впечатляющим и захватывающим: пожар, вулкан, наводнение. А восторженная Женька, закатив глаза для пущей убедительности, воскликнула: "Я вся превратилась в фейерверк!" Все это говорилось "честно", а вернее всего, привиралось, как я сейчас понимаю, с одной целью, чтобы другим было завидно. Особенно тем, кто еще ничего не пробовал. Плели, как пишет Бальмонт, "все, что может девушка придумать о еще неведомой любви". Я вообще заметила, что всем девушкам, утратившим невинность, хочется, чтобы и все другие поскорее расстались с ней и тоже стали женщинами, были с ними на равных. Исключением разве что является отношение матерей к собственным дочкам, но думаю, что и тут женщины-матери руководствуются исключительно собственными эгоистическими соображениями. "Заботливые" мамы хотят избежать новой обузы, которая может обрушиться на них, если дочери начнут новую жизнь. Вот они и блюдут их, по мере возможности, как можно дольше, только чаще всего остаются в полном неведении о том, что происходит на самом деле.

Между поколениями всегда мало взаимопонимания, и секс в этом смысле не составляет исключения. Здесь разногласий, может быть, даже еще больше, но, конечно, не между полами. Тут как раз наблюдается практичное взаимопонимание как со стороны мужчин, так и женщин. В проституцию идут и те и другие, и услугами нашими охотно пользуются тоже и те и другие.

Многолетние наблюдения привели меня к выводу, что максимум удовольствия от сношения

достигается тогда, когда во время него движениям таза задаю определенный ритм, сопровождающийся учащенным дыханием. Тогда оргазм бывает поистине взрывным, сотрясающим и меня, и партнера. Тогда он такой бурный, что действительно ударяет в голову. В постели вообще получаешь только то, что умеешь взять, но в то же время и щедро даешь. Мужчине больше удовольствия доставляет секс с той женщиной, которая знает в нем толк.

Не раз имела возможность убедиться, что моя привлекательность для мужчин, которые являются моими постоянными клиентами, заключается в том, что они видят во мне отнюдь не механическую участницу в их сексуальной игре, а СОУЧАСТНИЦУ в аттракционе, активного партнера, тоже наслаждающегося страстью.

А тогда из рассказов подруг я знала, что оргазм можно испытывать и без настоящего сношения внутрь. Некоторые из них именно так и «играли» с нашими ребятами, которые ласкали их «пальчиком» даже на уроках, а они в свою очередь тоже удовлетворяли их рукой или делали минет. О последнем «способе» они, правда, не рассказывали, видимо, стеснялись. Но что минет, конечно, имел место и широко практиковался, я поняла потом и сама. Только этот способ по молодости лет и неопытности девочки считали чем-то зазорным, унижающим их. Прозрение в этом смысле приходит позже...

Словом, предпочитали лучше, если не просто давать, то мастурбировать или заниматься петтингом, чем минетом. В старшем классе у нас появилась новая ученица. Иру перевели к нам из другой школы. Вскоре ребята узнали, что причиной перевода послужило плохое поведение. Она, якобы, там всем давала. У наших, конечно, глаза разгорелись, а девчонки насторожились.

С одним из наших ребят Ирка стала спустя какое-то время, как у нас говорили, дружить. Все стали добиваться у Юрки:

«Ну как?» Он загадочно уходил от ответа, а потом стал бахвалиться. Сказал, что она делает ему минет.

Ребята не поверили, стали подтрунивать, что, мол, выдумывает. Выдает желаемое за действительное. Мы тоже считали, что он просто хочет нас раззадорить. Вот, мол, вы все отказываетесь, ломаетесь, а она делает, да еще с удовольствием. И себе хотел таким образом набить цену. Дескать, вот у меня какой сладкий, что устоять не могла.

Чтобы рассеять все наши сомнения, он решил нам доказать, что говорит правду.

Договорились, что устроим вечеринку, потанцуем, а потом потушим свет, разойдемся парами по углам и затаимся, сделаем вид, что занимаемся любовью. Юрка, конечно, со своей хваленой Ирочкой. Когда же она начнет у него сосать, он подаст условный знак голосом, и кто-то зажжет свет.

И действительно, спустя какое-то время тишину нарушило сладострастное постанывание.

Глеб нажал на выключатель, и комнату озарил яркий свет хрустальной люстры.

Юрка лежал на диване с расстегнутой ширинкой, а Ирка склонилась над ним и держала его член во рту. На лице его было откровенное злорадство, самодовольство и ликование победителя. Забыла сказать, что все это мероприятие затевалось на спор. И тот, кто проиграет, выставляет бутылку вина и торт.

То, что произошло затем, мы ожидали меньше всего. Увидев наши лица, обращенные в их сторону, и то, что мы с нескрываемым любопытством взираем на них во все глаза, Ирка не

растерялась и ничуть не смутилась. Она, видимо, поняла, что вечеринка и все остальное специально подстроено. Она выпустила Юркин член изо рта и, держа в руке, подняла голову.

- Дураки, дайте ему хотя бы кончить, - сказала она спокойно и невозмутимо. В голосе ее звучал укор.